

Андрей Белевский

ВЕЧНАЯ ИСТОРИЯ

НЕИЗВЕСТНОМУ ПОЭТУ

Слава тебе, делающему слово, слава,
Слава тебе, строящему переправу
От того, что было, к тому, что будет
Слава тебе, на угли дующему, грудью
Не дающему им остыть, чтобы те, кто сзади,
Понимали, чего им жить ради.

Слава тебе, дурно пахнущему, плохо одетому,
Слава тебе нищему, перегретому
Водкой паленой, женой сварливой,
Пишущему на чердаке, в сортире, в вонючей квартире,
В поезде, трамвае, метро, в беспамятстве, бессознании,
Слава тебе, сохраняющему слово в безжалостном мироздании

Из-за тебя оно не исчезнет втуне,
Ветерок твоего стиха непременно дунет;
Мир заполняется рифмой и строфами, ночью
Небо гудит от поэм, эпиграмм и двустрочий.

Слава тебе, делающему свое тихое слово, слава
Слава тебе, строящему вечную переправу.

ВЕЧНАЯ ИСТОРИЯ

Поезд Питер–Москва,
вагон-ресторан
с вишневыми жилетками и
лампами на столах
Тут хорошо.
Возвращаться в купе не хочется,
хочется чего? Пива, что ли?
Оно, конечно.
Пейзаж за окном,
за столбами и заборами.
То рухлядь, то новострой,
но тоже рухлядь.

Вот Бологое.
Побежали-побежали,
рыба-пиво, ландыши-картошка.
Картошка вареная с укропом,
а кто не хочет — тому ландыши.
Едем дальше.
Дремота, зевота, пехота.
Новость.
Стоит баба,
держит палку с кругом
на фоне ж/д домика у переезда.
Романс.
Нет, сказка,
нет, баллада.

Жила баба на переезде,
ходила в засаленном халате,
на ногах чуни,
калоши без пяток.
Пахло тухлым,
но в шкапе, в шкапе!

Будильник — цзынь-цзынь,
открывается дверца, а тама...
И вот баба
надевает юбку синюю,
блузу белую,
пиджачок опять же синий,
а шапку красную.
На ноги
ботинки со шнурками
жезл в руки,
и пошла, пошла.

А тут еду я,
и что же вижу?
Дежурная по переезду,
солидная женщина с жезлом
в опрятном форменном костюме.
Но не хочу,
а прет мой рентген без спросу.

Вижу лифчик,
купленный в местном сельпо,
или как он там теперь называется,
который в руки взять страшно,
трусы не то
мужск. не то женск.
арт. 1288.

Возвращается баба
в свою конуру,
и снова халат вонючий
и калоши.
Нет, не понимаем!
Ведь мечта,

как можно над мечтой-то...
Баба стоит нарядная,
смотрит на нас счастливых,
с ее точки зрения,
и думает — «Господи, кто бы взял».

Сижу я
в вагоне-ресторане,
отделенный от мира
двойными стеклами,
линией московской кольцевой автодороги
и столичной пропиской,
а для бабы праздник.
Растворились в дымке
огни последнего вагона.
Жезл вниз головой опустила,
пошла с усилием — ноги болят.

Радищев, говоришь?
Что Радищев!

Мы все радищевы
в этом поезде.

●

В нашем подъезде
живут алкоголики —
мать и дочь.
Разбитые стекла,
сломанные замки,
вонючие лужи.
В общем, пьянь.

Соседи говорили
(а мы думали) —
куда бы съехали
или сгинули, что ли.
Мужиков водили
самых разных,
но масть была определенная:
дорожные рабочие,
не успевшие снять оранжевый жилет,
гости столицы с гор
и т. д.
Мне непонятно,
что их влекло.
Матери то ли сорок,
то ли шестьдесят.
Ноги опухшие, с язвами,
лицо отечное.
Дочь вроде ничего,
но лицо тоже пухнуть
начинает.
Одним словом,
не здоровались,
презирали,
голову при встрече
отворачивали.
Однажды я вышел
на лестничную клетку.
Вижу —
белеет у них на двери
клочок бумажки.
На нем синими
расплывающимися

школьными чернилами
нацарапано —
«Валя и Наташа в больнице».
Тоска букв этих синих
залила подъезд,
дом, город, мир.
Сизые больничные окна.
в городской ночи
белеющие малокровно.
Так и думаешь —
последние силы за ними оставишь.
Я,
не отличающий
рождения от смерти
(по профессиональным мотивам),
безошибочно в нашей архитектуре убогой
узнаю эти ненавистные окна.
Сколько горя за ними —
не могу описать.
Вот и сейчас
я смотрю на эту записку
и вижу их,
брошенных судьбой
в казенную койку
с вечным тараканом,
ползущим по стене
неопределенного цвета,
с засохшими остатками пищи
и алюминиевой ложкой
в тарелке,
с древними старухами по соседству
и надменными,

как их там,
в белых халатах,
не вспомню никак.
У старшей одно на умен —
где бы водки взять,
у младшей интересы
в курилке
на мужской стороне,
но и та, и другая
только и мечтают,
чтобы открыть дверь,
полусгнившую,
полусломанную,
войти в хлам свой
родимый.
«Дом» называется.
Для нас в кавычках,
а для них нет милее.
В общем, буду рад,
когда они вернутся
(если вернутся обе —
буду рад вдвойне).
Начну с ними здороваться.